

Л. Е. Владиміровъ

Профессоръ Императорскаго Харьковскаго Университета.

УЧЕБНИКЪ

РУССКАГО

УГОЛОВНАГО ПРАВА.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ.

ХАРЬКОВЪ.

ИЗДАНИЕ ТИПОГРАФІИ КАПЛАНА и БИРЮКОВА.

1889.

Дозволено цензурою. Київъ, 3-го мая 1888 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

СТР.

Введение:

§ 1. Понятіе о преступленіи и наказаніи	1
§ 2. Уголовное преступленіе и дѣяніе безнравственное.	3
§ 3. Преступленіе и неисполненіе обязательства	5
§ 4. Право наказанія, его основанія и цѣли	7
§ 5. Содержаніе и задачи науки уголовного права . .	11
§ 6. Обще и особенные источники дѣйствующаго рус- скаго уголовного права	12

О б щ а я ч а с т ь.

Отдѣлъ первый. Уголовный законъ.

§ 1. Уголовный законъ, какъ основаніе карательной дѣ- тельности	22
§ 2. Элементы уголовного закона	22
§ 3. Раздѣленіе уголовныхъ законовъ	23
§ 4. Дѣйствіе уголовного закона	25
§ 5. Выдача преступниковъ	31
§ 6. Толкованіе законовъ	32

Отдѣлъ второй. Преступленіе.

Глава первая. Преступленіе, какъ юридическое понятіе.

§ 1. Опредѣленіе преступленія	35
§ 2. Составъ преступленія	36
§ 3. Раздѣленіе преступленій	37

Глава вторая. Виновникъ преступленія.

§ 1. Понятіе виновника преступленія	41
§ 2. Вмѣняемость и вмѣненіе	42
§ 3. Причины, исключаящія вмѣняемость	48

Глава третья. Предметъ преступнаго дѣянія.

§ 1. Отвлеченный предметъ преступленія	61
§ 2. Конкретный предметъ преступленія	62

II.

§ 3. Противозаконность, какъ необходимое условіе понятія преступленія	62	
Легальныя оправданія:		
I. Исполненіе закона	63	
II. Осуществленіе права	65	
III. Необходимая оборона	65	
IV. Состояніе крайней необходимости	69	
V. Согласіе пострадавшаго	73	
Глава четвертая. Преступное дѣйствіе.		
§ 1. Понятіе преступнаго дѣйствія	74	
§ 2. Формы преступнаго дѣйствія	76	
§ 3. Причинная связь между дѣйствіемъ и послѣдствіемъ.	80	
Глава пятая. Внутренняя сторона преступленія—виновность (преступная воля).		
§ 1. Понятіе виновности	83	
§ 2. Виды виновности: А. Умыселъ	87	
Б. Неосторожность.	93	
Глава шестая. Внѣшняя сторона преступленія (осуществленіе преступной воли).		
§ 1. Понятіе осуществленія преступной воли	97	
§ 2. Голый умыселъ	98	
§ 3. Приготовленіе къ преступленію.	99	
§ 4. Покушеніе	101	
§ 5. Совершенное преступленіе	106	
§ 6. Стеченіе покушенія и совершенія	107	
Глава седьмая. Соучастіе въ преступленіи		107
§ 1. Понятіе соучастія въ преступленіи	107	
§ 2. Виды участниковъ	112	
§ 3. Вліяніе личныхъ условій соучастниковъ	123	
§ 4. Прикосновенность (благопріятствованіе) къ преступленію	124	
Глава восьмая. Юридическое сдинство сложнаго преступнаго дѣйствія.		
Простое преступное дѣйствіе и сложное преступное дѣйствіе	127	
Глава девятая. Совокупность преступленій		131
Глава десятая. Повторное преступленіе		135

III.

Отдѣлъ третій. Наказаніе.

Глава первая. Свойства наказанія.

- § 1. Понятіе наказанія 138
- § 2. Свойства наказательнаго средства 141
- § 3. Отдѣльныя наказанія (карательная система) . . . 143

Глава вторая. Карательная система дѣйствующаго русскаго уголовного законодательства 145

Глава третья. Отдѣльные роды наказаній.

- I. Смертная казнь 153
- II. Тѣлесныя наказанія 168
- III. Лишеніе свободы 174
 - A. Ссылка 175
 - § 1. Ссылка въ каторжныя работы 181
 - § 2. Ссылка въ Сибирь на поселеніе 184
 - § 3. Ссылка на житіе 186
 - B. Тюремное заключеніе. 187
- Тюремное заключеніе по русскому законодательству . . 191
- IV. Лишеніе чести и правъ 202
- V. Полицейскій надзоръ 208
- VI. Наказанія имущественныя 211

Глава четвертая. Вознагражденіе за вредъ и убыт- ки отъ преступленія 214

Отдѣлъ четвертый. Мѣра наказанія.

Глава первая. Законодательное опредѣленіе мѣры на- казанія 225

Глава вторая. Судебное опредѣленіе мѣры наказанія 230

Глава третья. Причины, отмѣняющія наказаніе.

- § 1. Общія замѣчанія 240
 - § 2. Смерть преступника 243
 - § 3. Примиреніе и отказъ обиженнаго отъ жалобы . . 244
 - § 4. Помилованіе 244
 - § 5. Давность. 247
-

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Если мнѣ удалось изложить просто, сжато и ясно основныя начала и наиболѣе существенныя подробности науки уголовного права, то настоящій учебникъ достигнетъ своей скромной цѣли—служить студентамъ пособіемъ при слушаніи лекцій и для экзамена. Но, быть можетъ, и практическій юристъ встрѣтится иногда, въ этой книгѣ, съ указаніемъ, небезполезнымъ при сложной операціи толкованія уголовного закона.

Далѣе, не мѣшаетъ замѣтить, что изложенный мною взглядъ на цѣль уголовного наказанія не пріуроченъ къ той или другой группѣ теорій. Несовсѣмъ чуждый судебной практикѣ, я выработалъ его не столько путемъ выкладокъ теоретической мысли, сколько посильнымъ наблюденіемъ фактовъ живой дѣйствительности, которая и должна служить настоящимъ матеріаломъ для философіи уголовного законодательства.

Считая практическія занятія студентовъ единственнымъ способомъ пріобрѣтенія прочныхъ знаній, я старался, въ каждомъ вопросѣ, исчерпывающими ссылками на дѣйствующій кодексъ подготовить своимъ ученикамъ почву для самостоятельныхъ изысканій и провѣрокъ.

ВВЕДЕНИЕ.

§ 1. Понятіе о преступленіи и наказаніи.

Независящая отъ произвола людей, провиденціально предопредѣленная, конечная цѣль ихъ существованія на землѣ есть безграничное совершенствованіе человѣческой природы. Это совершенствованіе и есть высшее благо (*summi bonum*), надъ отыскиваніемъ котораго работала нравственная философія, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, почти съ перваго момента своего зарожденія въ древней Греціи. Высшее благо есть добродѣтель; добродѣтель есть счастье: *beatitudo non est virtutis praemium, sed ipsa virtus* (Spinoza, *Ethices*, p. V. propos. XLII),

Постоянное стремленіе человѣчества къ высшему благу вызываетъ потребность въ достиженіи цѣлаго ряда низшихъ благъ, играющихъ роль средства по отношенію къ *summi bonum*. Пользованіе этими благами, въ обществѣ, нуждается въ совокупности внѣшнихъ условій, касающихся всѣхъ сторонъ единичной, общественной и государственной жизни народа.

Велѣнія законодательной власти, во-первыхъ, опредѣляютъ условія пользованія этими благами; во-вторыхъ, охраняютъ ихъ отъ человѣческихъ нападеній, препятствующихъ такому пользованію. Такъ, законы гражданскіе опредѣляютъ условія, при которыхъ человѣкъ можетъ пріобрѣтать право на имущество въ государствѣ (ст. 700, т. X «всѣ способы пріобрѣтенія, закономъ опредѣленные, тогда только признаются дѣйствительными, когда они утверждаются на неприкосновенномъ произволѣ и согласіи»); уголовные же законы охраняютъ эти условія отъ нарушенія (ст. 1686 Улож. о наказ.: «кто силою или угрозами заставитъ кого-либо напи-

сать, выдать или подписать какое-либо на себя обязательство, или напротивъ, истребить актъ, служащій доказательствомъ его права на собственность какого-либо рода, или же согласиться на какую-либо невыгодную для себя сдѣлку по имуществу, или на отреченіе отъ какого-либо права или иска, или на иное также невыгодное условіе, тотъ за сіе подвергается: лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе»). Законы охранительные, конечно, снабжены физическою санкціею, характеризующею всѣ вообще вѣлѣнія государства: исполненіе гражданскихъ обязательствъ обеспечено государственнымъ принужденіемъ, а неприкосновенность охранительныхъ законовъ государственною угрозою — причинить ихъ нарушителю страданіе. Сознательное и волимое возстаніе отдѣльнаго человѣка противъ самаго принципа охранительныхъ законовъ, выражающееся въ нарушеніи, посредствомъ насилія или обмана¹⁾ (*vi et fraude*), одного или и многихъ изъ нихъ, есть преступленіе въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Преступленіе есть, такимъ образомъ, во-первыхъ, дѣяніе противуобщественное, ибо потрясаетъ безопасность въ обществѣ; во-вторыхъ, дѣяніе противугосударственное, ибо представляетъ открытое возстаніе противъ вѣлѣнія государства, закона, и, въ-третьихъ, въ большинствѣ случаевъ, — дѣяніе безнравственное, ибо нарушаетъ предписываемое нравственностью благожелательное отношеніе къ ближнему.

Государство не есть только стражъ общественной безопасности, но и воспитатель народа. Оно не можетъ без-

¹⁾ Этому раздѣленію преступленій на два основныхъ типа: *vis et fraus*, нисколько не противорѣчатъ новѣйшіе иностранные законы противъ ростовщичества, преслѣдующіе эксплоатацію однимъ лицомъ крайняго положенія другого, выражающуюся въ заключеніи съ нимъ договора, дающаго ростовщику совершенно несоотвѣтствующіе услугѣ выгоды. Эта эксплоатація есть только расширенное понятіе насилія (*vis*). Такое же, на примѣръ, самое насиліе преслѣдуется и въ ст. 913 Улож. о наказ.: «За стачку, сдѣлку или другое соглашеніе торгующихъ къ возвышенію цѣнъ на предметы продовольствія, виновные подвергаются наказаніямъ и взысканіямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1180 сего Уложенія».

различно относиться къ совершенному преступленію. Не успѣвъ предупредить или пресѣчь преступленіе, государство противодѣйствуетъ вредному значенію совершившагося преступнаго факта.

Это противодѣйствіе, выражающееся въ томъ, что государство налагаетъ на нарушителя закона, на преступника, физическое и нравственное страданіе, напередъ въ законѣ, какъ угроза, за каждое преступленіе назначенное, есть уголовное наказаніе.

Такое уголовное наказаніе есть наказаніе государственное, въ отличіе отъ взысканій, налагаемыхъ за разные провинности въ семьѣ, школѣ или въ какой-либо другой спеціальной сферѣ человѣческой жизни.

Часть публичнаго права, опредѣляющая признаки дѣяній, признаваемыхъ государствомъ преступленіями, а также наказанія, коими преступленія угрожаются и, въ случаѣ совершенія, въ дѣйствительности облагаются, называется уголовнымъ правомъ въ объективномъ смыслѣ (*jus criminale, роенale*); а право государства на обложеніе преступленій наказаніями, по правиламъ объективнаго уголовного права, называется уголовнымъ правомъ въ субъективномъ смыслѣ (*jus puniendi*). Отсюда—судебное преслѣдованіе преступленій *ex officio* и особое для исполненія этой задачи учрежденіе—прокуратура.

Уголовное право раздѣляется на матеріальное и формальное (процессуальное): первое, какъ сказано выше, даетъ опредѣленія о преступленіяхъ и наказаніяхъ; второе—устанавливаетъ способы дѣйствій государственной (а именно—судебной) власти, при обслѣдованіи виновности совершителя преступленія и примѣненіи къ нему наказанія.

§ 2. Уголовное преступленіе и дѣяніе безнравственное.

Намъ присущъ идеалъ нравственнаго совершенства. Изъ этого идеала вытекаютъ двоякаго рода правила: одни опредѣляютъ наши обязанности по отношенію къ себѣ, другія—по отношенію къ ближнему. Нравственность требуетъ не только того, чтобы наши дѣйствія были согласны съ благомъ

*

ближняго, но чтобы и мотивы этихъ дѣйствій были проникнуты любовью къ ближнему. Лучшее опредѣленіе области нравственности мы находимъ у Апостола Павла (первое посланіе къ Коринѳянамъ, гл. 13): «Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если я имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы».

Нравственность требуетъ, чтобы и помыслы, и дѣйствія наши проникнуты были любовью къ ближнему. Уголовное право ограничиваетъ свое *primum desiderium* тѣмъ, чтобы человѣкъ только не вредилъ ближнему. Безнравственное дѣяніе есть нарушеніе прямого повелѣнія о любви къ ближнему; преступленіе есть нарушеніе запрещенія совершать дѣйствія, вредныя для ближняго. Уголовное право воспрещаетъ дѣянія антисоціальныя; нравственность повелѣваетъ помыслы и дѣянія альтруистическіе.

Уголовное право удовлетворяется, когда одинъ эгоизмъ не вторгается въ область другого; нравственность требуетъ, чтобы эгоизмъ былъ замѣненъ альтруизмомъ. Повелѣнія нравственности охраняются совѣстью: наказаніе за безнравственность — угрызенія совѣсти, мучительное сознаніе противорѣчія между нашею жизнью и присущимъ намъ идеаломъ нравственнаго совершенства; наказаніе за преступленіе — физическое и нравственное страданіе, налагаемое государствомъ. Большинство преступленій представляетъ дѣянія безнравственныя; но не всѣ безнравственныя дѣянія попадаютъ въ категорію дѣяній, облагаемыхъ наказаніемъ. Государство, наказуя преступленіе, караетъ, въ предѣлахъ его, и элементъ безнравственности: уголовное право обращаетъ вниманіе на мотивъ дѣянія, и чѣмъ дурнѣе, въ нравственномъ отношеніи, этотъ мотивъ, тѣмъ строже наказаніе (ст. 124 Улож. о нак.: вина учинившаго какое-либо преступленіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣра слѣдующаго за сіе наказанія,

увеличивается.... 3, чѣмъ болѣе противозаконны и безнравственны были побужденія его къ сему преступленію; 7, чѣмъ болѣе было жестокости, гнусности или безнравственности въ дѣйствіяхъ).

Утверждать, что уголовное правосудіе не обращаетъ вниманія на нравственную сторону преступленія, значитъ умышленно закрывать глаза на дѣйствительность. Конечно, по самому существу своему, уголовное право не можетъ предписывать, подѣ страхомъ наказанія, альтруистическихъ дѣйствій. Когда оно дѣлаетъ подобную попытку, оно все-таки не выходитъ изъ предѣловъ эгоизма, признаваемого имъ законнымъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ ст. 1521 Улож. о наказ.: «Кто видя человѣка погибающаго и имѣя возможность подать ему помощь, безъ явной для себя опасности, или же призвать на помощь къ нему другихъ или мѣстную полицію, не приметъ никакихъ для спасенія его мѣръ, тотъ за сіе, если онъ христіанинъ и отъ сей нечувствительности и небреженія его оставленному приключится смерть, предается церковному покаянію.

§ 3. Преступленіе и неисполненіе обязательства.

Вопросъ о разграниченіи уголовной неправды отъ гражданской неправды возникаетъ только при сопоставленіи преступленія, какъ нарушенія закона, съ неисполненіемъ обязательства въ сферѣ гражданского права; ибо споръ между лицами о принадлежности того или другого гражданского права, рассматриваемый въ судѣ, не представляетъ никакихъ чертъ сходства съ преступленіемъ, слѣдовательно, и не нуждается въ отграниченіи его отъ послѣдняго. Неисполненіе обязательства, составленнаго согласно съ закономъ, имѣетъ ли какое-либо сходство съ преступленіемъ? Никакого. Преступникъ совершаетъ насиліе надъ человѣкомъ и возстаетъ противъ закона; контрагентъ, неисполняющій обязательства, нарушаетъ лишь данное имъ слово,—но повѣрившій этому слову не подвергался ни физическому насилію (*vis*), ни умственному (*fraus*). Правда, слово контрагента было выражено въ формѣ, установленной закономъ. Но эта форма дана

была закономъ только, какъ предустановленное доказательство на случай судебного спора сторонъ. Отступающій отъ своего слова не нарушаетъ закона: онъ нарушаетъ только свое же слово. Конечно, данное слово, коимъ лицо приняло на себя обязательство, должно быть исполняемо (ст. 569 т. X: всякій договоръ и всякое обязательство, правильно составленное, налагаютъ на договаривающихся обязанность ихъ исполнить); но неисполненіе его, которое могло быть предвидѣно контрагентомъ, не представляетъ насилія надъ закономъ, а должно влечь за собою лишь понужденіе со стороны государства къ удовлетворенію другой стороны (ст. 570 т. X: «всякій договоръ и всякое обязательство, въ случаѣ неисполненія, производятъ право требовать, отъ лица обязавшагося, удовлетворенія во всемъ томъ, что постановлено въ оныхъ»).—Наконецъ, причиненіе вреда и убытковъ, какъ источникъ обязательствъ, можетъ быть двоякое: оно можетъ быть преступленіемъ и можетъ быть дѣяніемъ непреступнымъ—ст. 644 т. X: «Виновный въ совершеніи какого-либо преступленія или проступка, не смотря на то, съ предумышленіемъ или безъ онаго учинено имъ сіе преступленіе, обязанъ вознаградить за всѣ, непосредственно причиненные симъ дѣяніемъ его, вредъ и убытки»; ст. 684: «Всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытки, причиненные кому-либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе и не составляли ни преступленія, ни проступка, если только будетъ доказано, что онъ не былъ принужденъ къ тому требованіями закона, или правительства, или необходимою личною обороною, или же стеченіемъ такихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ предотвратить». Во второмъ случаѣ (ст. 684) не возникаетъ вопроса объ аналогіи съ преступленіемъ, такъ какъ дѣяніе, служащее источникомъ обязательства, не представляется нарушеніемъ закона, а только фактомъ, причинившимъ имущественный вредъ.

Такимъ образомъ, ясно, что вопросъ о разграниченіи неправды уголовной и неправды гражданской касается только неисполненія обязательства, ибо въ томъ случаѣ, когда два лица спорятъ о принадлежности права, не можетъ быть

и рѣчи объ аналогіи съ преступленіемъ: каждая спорящая сторона, напротивъ, именно въ законѣ ищетъ опоры для своихъ притязаній. Что же касается договоровъ, являющихся средствомъ для эксплуатаціи, то разъ законодательство сочло полезнымъ признавать ихъ за преступленія (напр., ростовщичество), составъ такого преступленія, какъ и всякаго другого, получаетъ опредѣленные признаки, отличающіе его отъ дозволенныхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Слѣдовательно, различіе неправды уголовной и неправды гражданской, и въ этомъ случаѣ, не представитъ затрудненій.

§ 4. Право наказанія, его основанія и цѣли.

Государству, которому принадлежитъ законодательная власть, принадлежитъ и право ограждать законы отъ нарушеній. Мѣрою такого огражденія является угроза карою возможному нарушителю закона и, въ случаѣ дѣйствительнаго преступленія закона, обложеніе преступника наказаніемъ. Такимъ образомъ, назначеніе преступнику наказанія коренится въ провозглашенной угрозѣ; а основаніе права угрожанія наказаніемъ лежитъ тамъ же, гдѣ и основаніе права государства издавать законы: въ высокой миссіи его—вести народъ къ матеріальному и нравственному совершенствованію, для чего необходимо законами опредѣлять отношенія между людьми.

Какую же цѣль имѣетъ уголовное наказаніе?

Высшая цѣль уголовного наказанія состоитъ въ выработкѣ и питаніи чувства ответственности за свои дѣйствія какъ у отдѣльнаго человѣка, преступника, такъ и у цѣлаго общества.

Человѣкъ долженъ сознавать съ самаго дѣтства—и къ выработкѣ такого сознанія направлено все воспитаніе—что каждое его дѣйствіе влечетъ для него извѣстныя послѣдствія. Если онъ совершилъ дурное дѣло, онъ долженъ претерпѣть за это опредѣленное страданіе. Идея ответственности должна превратиться въ чувство ответственности, дабы она сдѣлалась почти инстинктивнымъ побужденіемъ въ поведеніи людей.

Неустанно развиваемое и постоянно питаемое государством чувство ответственности является источником великих нравственных благъ:

1) Чувство ответственности есть лучшее ограждение общественной безопасности, физическая защита которой сама по себѣ недостаточна.

2) Оно—основаніе чувства законности, безъ которой слаба государственность и немощенъ законъ.

3) Оно—широкое основаніе для развитія высокихъ нравственныхъ качествъ и общественныхъ добродѣтелей.

Уголовное наказаніе представляетъ школу страданія, нравственно улучшающую человѣка; ибо кто страдаетъ, вслѣдствіе своихъ ошибокъ и прегрѣшеній, тотъ чувствуетъ и мыслить. Преступленіе, въ большинствѣ случаевъ, есть плодъ эгоизма. Наказаніе плавить твердый металлъ, изъ котораго созданъ преступникъ.

Изъ указанной выше цѣли уголовного наказанія вытекаютъ слѣдующія положенія:

1) Наказаніе должно соответствовать индивидуальной виновности: преступникъ долженъ настолько пострадать, насколько онъ самъ причинилъ зла. Величина наказанія определяется принципомъ возмездія. Возмездіе есть проявленіе справедливости; справедливость же принимаетъ во вниманіе всѣ особенности даннаго случая, индивидуализируетъ виновность.

2) Наказаніе должно морализовать преступника. Этимъ вторымъ свойствомъ наказанія еще точнѣе определяется идея возмездія, которая не есть слѣпая месть, а разумное средство для нравственного возвышенія человѣка. Морализованіе достигается: 1) необходимымъ и для безопасности удаленіемъ человѣка изъ общества, гдѣ онъ не сумѣлъ безвредно жить и гдѣ онъ слѣдовалъ только дурному примѣру; 2) просвѣщеніемъ религіознымъ, пріученіемъ къ труду и къ мирной совмѣстной жизни съ другими людьми и 3) принужденіемъ его къ вознагражденію того матеріальнаго вреда, который онъ причинилъ потерпѣвшему лицу своимъ преступленіемъ. Если бы вознагражденіе за матеріальный вредъ

отъ преступленія не было, между прочимъ, и средствомъ морализованія преступника, то уплату его слѣдовало бы возложить на государство, не сдумѣвшее, когда это было возможно, оградить мирнаго гражданина отъ преступленія.

Примѣчаніе. Въ исторіи науки уголовного права мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ теорій, объясняющихъ основанія права наказанія и цѣли его. Теоріи эти обыкновенно раздѣляютъ на три группы: абсолютныя, относительныя и смѣшанныя.

Абсолютныя теоріи смотрятъ на наказаніе, какъ на необходимое послѣдствіе преступленія—*punitur, quia reccatum est*. Теоріи эти коренятся въ интуитивной школѣ моральной философіи, по которой справедливость не есть плодъ анализа отношенія дѣйствія человѣческаго къ общему благу, а результатъ прирожденнаго намъ чувства, дающаго намъ возможность, безъ предварительнаго анализа, безошибочно опредѣлять, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что справедливо и что несправедливо. Наказаніе есть требованіе справедливости, никакой другой цѣли оно не имѣетъ и имѣть не должно. Характернѣйшимъ представителемъ этой теоріи является Кантъ, по которому наказаніе есть категорическій императивъ и никакой другой цѣли имѣть не можетъ. Мѣра наказанія опредѣляется принципомъ возмездія (*jus talionis*): за зло, сдѣланное преступникомъ, должно быть ему воздано или однороднымъ, или равносильнымъ зломъ. Этотъ принципъ возмездія приводитъ Канта къ варварскимъ средствамъ наказанія.

Относительныя теоріи очень многочисленны. Всѣ онѣ коренятся въ утилитарной школѣ моральной философіи; согласно этой школѣ, справедливость не есть нѣчто намъ прирожденное, а результатъ анализа отношенія того или другого человѣческаго дѣйствія къ общему благу. Дѣйствіе, полезное для общества, справедливо и нравственно; дѣйствіе, вредное для общества, несправедливо и безнравственно. Въ своемъ историческомъ развитіи утилитаризмъ прошелъ три стадіи: дѣйствіе справедливо, если оно полезно для дѣятеля, училъ древній эпикуреизмъ; дѣйствіе справедливо, если оно приноситъ наибольшую пользу для наибольшаго числа людей, училъ Бентамъ; дѣйствіе справедливо, если оно полезно для всего чувствующаго міра, утверждалъ Милль. Агентъ обязанъ предпочесть общее благо личному, такова заповѣдь альтруизма. Понятно, что наказаніе, на такой почвѣ нравственной философіи, можетъ быть только средствомъ для достиженія какой-либо цѣли, полезной для общества. И дѣйствительно, относительныя теоріи, коренящіяся въ утилитарной философіи, оправдываютъ наказаніе какою-либо цѣлью, внѣ наказанія лежащею, для достиженія которой наказаніе и является средствомъ. Наказаніе налагается для того, чтобы не было преступленія—*punitur, ne reccetur*. Сюда относятся слѣдующія теоріи: